

PK
45
A 65

ОБЩЕСТВО ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА И ИРАНСКИХ
НАРОДНОСТЕЙ ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ

М. Андреев

7.92.21
A-66

2.15.90

ОРНАМЕНТ
ГОРНЫХ ТАДЖИКОВ
ВЕРХОВЬЕВ АМУ-ДАРЬИ

И

КИРГИЗОВ ПАМИРА

М. А. ШЕНДЕРОВ 1957/11/24/3

ТАШКЕНТ
1928

Проверено 1937 г.

Во время работ экспедиции, посланной в 1925 г. под моим руководством в Таджикистан Обществом для изучения Таджикистана и Средазкомстарисом (Средне-Азиатский Комитет по охране памятников природы, старины и искусств), при проходе экспедицией горных областей, лежащих в верховьях Аму-Дарьи, было обращено внимание на большое разнообразие чулочного орнамента среди таджиков. Произведенные мною и Е. М. Пещеревой расспросы в районе, начиная с Ванча и кончая Шугнаном, обнаружили в орнаменте данных мест не только существование особых названий для разных узоров, но и представление таджиков, что те или другие узоры являются воспроизведением (чаще всего стилизованным) тех или других предметов, названия которых носит узор, о чем буду говорить дальше. При возвращении экспедиции ее обратный путь пролегал через Памир. И здесь, среди горных киргизов, опять таки встретилась совершенно аналогичная картина.

Помещаемый ниже небольшой очерк мною был написан в самом начале 1926 г. на основании собранных экспедицией материалов и предназначался для одного довольно популярного издания, появление которого в печати несколько задержалось. Не имея времени пополнить и переработать свою статью для настоящего издания, я оставляю ее в первоначальном, несколько, может быть, более популярном изложении, чем было бы желательно, считая, что и в таком виде она все же является довольно существенным, хотя и далеко неполным отражением добытых экспедицией материалов по орнаменту. Сами по себе привезенные материалы настолько обширны, что требовалось бы много времени и труда для соответствующей их обработки, чего я не смог бы сделать.

С тех пор, как был написан прилагаемый очерк, прошел уже почти год и по возвращении экспедиции миновало еще одно лето, связанное с исследовательскими работами. Добытые за это время из разных концов Средней Азии новые материалы не только не оставляют изолированными приводимые данные, записанные в 1925 г., но новые наблюдения в течение 1926 г., а именно—отчасти записи А. П. Голяковской среди киргиз-казakov Акмолинской области, наблюдения

М. Ф. Гаврилова среди узбеков окрестностей Ура-Тюбе (в декабре 1926 г.) и мои наблюдения в Афганистане (главн. образом в долине Панджшира летом 1926 г.) подтвердили в разных местах то, что мне встретилось в верховьях Аму-Дарьи и на Памирах. Стало более ясным, что еще и в настоящее время в различных местностях Средней Азии при благоприятных условиях и удаленности от городской культуры сохранился между различными народностями в более или менее осязательной степени древний примитивный орнамент. Выяснилось в случаях названных наблюдений, что туземное население, главным образом женщины, в особенности старухи, не только еще сохранило отдельные характерные названия для многих узоров, но продолжает еще считать, что эти узоры, по его мнению, действительно *изображают те предметы, название которых они имеют*. Кроме того, при особенно благоприятных условиях как М. Ф. Гаврилову среди узбеков, так и мне среди киргизов Памира и таджиков и верховьев Аму-Дарьи и долины Панджшира, представлялись случаи наблюдения, как иногда все пространство ткани, покрытое узором, состоящим из разных элементов, не только еще разбиралось создававшими его туземцами на отдельные части с разными названиями, но что эти части, на вид имеющие иногда совершенно геометрический рисунок (см., наприм., зигзагообразный бордюр „йрек“ в рис. 21), считаются ими воспроизводящими те или другие предметы, названия которых им дается. Это прибавляет, как мне кажется, еще несколько более данных к высказанному мною в своем докладе весной 1926 г. в Ташкенте на конференции по изучению производительных сил мнению, что можно предположить, что старый примитивный орнамент среднеазиатских народностей, если не исключительно, то в значительной степени был фигурным, т. е. являлся воспроизведением тех или других предметов. Вышивавшая в старину таджичка или киргизка, напр., имела такое же право сказать, как и древняя римлянка, про свое вышивание, что она „рисует иглой“.

М. Андреев.

11 декабря 1926 г.
г. Ташкент.

I.

Таджикский орнамент.

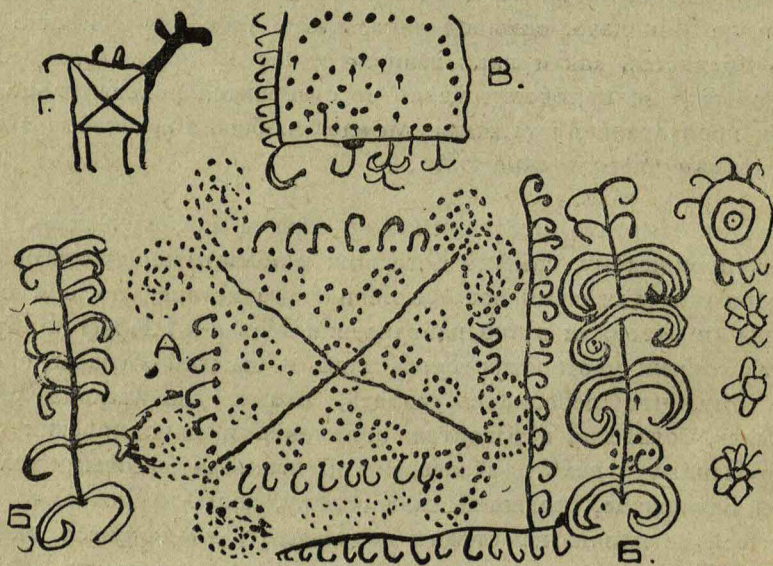
Поразительным является удивительное богатство и развитие народного орнамента в припамирских горных странах, заселенных таджиками, потомками самых древних засельников Средней Азии. Если принять во внимание, что небольшие народности, населяющие верховья Аму-Дарьи, живут в сильной степени изолированно в своих сдавленных могучими горными кряжами узких и глубоких долинах и сообщаются с соседями лишь через головоломные тропинки, выходящие по скалам и ведущие в соседние долины через труднодоступные горные перевалы, высотой иногда выше Монблана, если принять, кроме того, во внимание удивительную бедность населения, живущего часто впроголодь (площадь посевов обычно до крайности мала), то становится положительно трогательными проявляемые при этих условиях любовь к красивому и чувство вкуса, выражающиеся в орнаменте.

Следует отметить, что таджикские страны в верховьях р. Панджа являются, повидимому, самыми богатыми в области народного орнамента между горными таджиками вообще. И в Афганистане, по обе стороны Гиндукуша (в виденном мною направлении Мазар-и Шериф—Кабул), и в остальных горных местностях Туркестана и бывшей Бухары орнамент, судя по тому, что доводилось видеть, развит значительно слабее.¹ Может быть, богатство и развитие орнамента в припамирских странах вверх по Панджу в некоторой степени объясняется бытовыми условиями культуры Бадахшана, стоявшей, повидимому, когда-то довольно высоко и не могшей не влиять на страны по Панджу, являющиеся окраинами Бадахшана. Только основательное изучение потом орнамента Бадахшана,

¹ Я не касаюсь равнинных таджиков, где влияние больших городских центров со старой, когда-то очень высокой культурой, сказалось, повидимому, в сильной степени и во многих областях применения орнамента. В этот орнамент в значительной степени вошли и персидско-арабские элементы (в архитектурных украшениях, напр., в работе по металлу и пр.), отразилось несколько и китайское влияние (керамика и др.). В его слагании не могли не сказаться в свое время также и другие крупные центры старой азиатской жизни, подобно тому, как в настоящее время начинает чувствоваться на орнаменте в городах Туркестана уже некоторое европейское влияние.

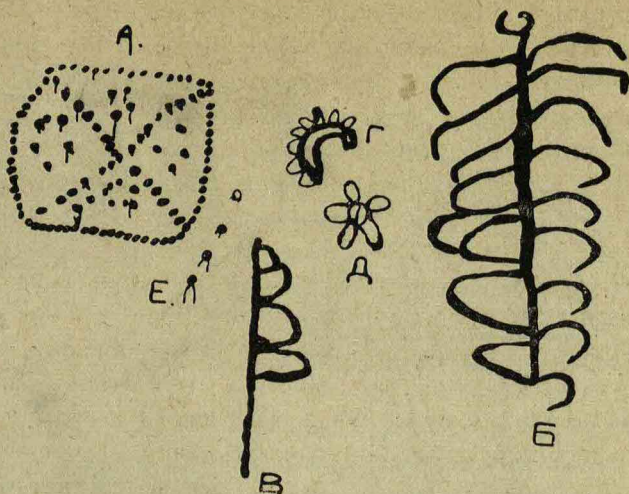
а также, может быть, соседнего Читрала, лежащего в складках южных склонов Гиндукуша, позволит пролить со временем соответствующий свет на положение орнамента верхне-панджских долин в отношении названных стран. Не касаясь поэтому возможной связи верхне-панджского орнамента с данными областями, позволю себе в настоящем небольшом очерке привести лишь некоторые характерные черты для суждения о самом орнаменте.

Мужчина, занятый своими работами на посевах, однако, мало скаывается в этой области, и главным мастером по орнаментике в доме таджика является женщина. Она, выбелив стены жилища, украшает их незатейливыми примитивными узорами и изображениями, нанося их цветной глиной, сажей и даже мукой. Там видны и сады, и собственное стадо, загнанное в ограду, встречаются всадники, скачущие на лошадях, изображены дикие козы—„нахчир“ и пр. Все нарисовано в самом первобытном способе передачи и нужно предварительное разъяснение со стороны рисовавших для того, чтобы стал понятным для посторонних внутренний смысл их рисунка. Пример такого украшения стены можно

1. Рисунки на стене в сел. Сохчарв (Шугнан).

видеть на рис. 1. Большой внутренний квадрат (А), перекрещенный диагонально, изображает сад. По краю квадрата в виде завитков показаны ветви деревьев. По бокам нарисовано по одному „чинару“ (Б), а вверху, в меньшем квадрате (В) показан загон с находящимся внутри его стадом баранов. В углу, налево от него, нарисован верблюд (Г).

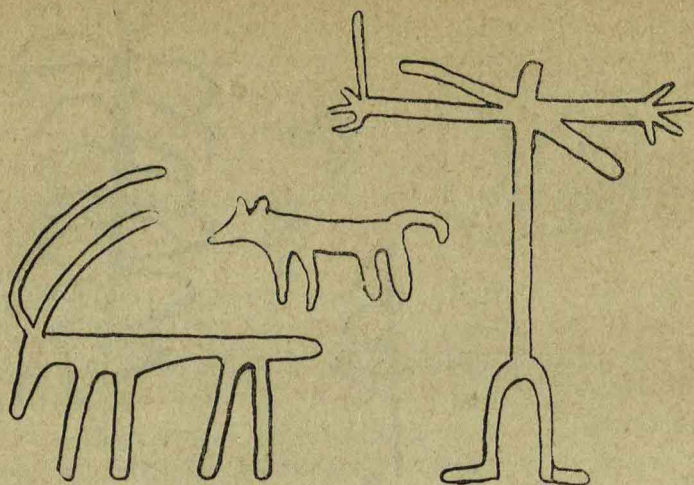

2. Рисунки на стене в селении Сохчарв (Шугнан).

Рисунок 2 воспроизводит фотографический снимок, сделанный в том же сел. Сохчарв (Шугнан), и тоже со стены жилища. Фиг. А. означает загон для скота с находящимися внутри его овцами.¹ Самая крайняя фигура направо (Б), как и нарисованное наполовину нижнее изображение (В) представляют собою *чинар*—дерево, не лишенное поэтического ореола в представлениях таджика. Между правым чинаром и загонем показаны *месяц* (Г) и *солнце* (Д). Налево от них, ниже, изображены в виде четырех точек—*звезды* (Е).

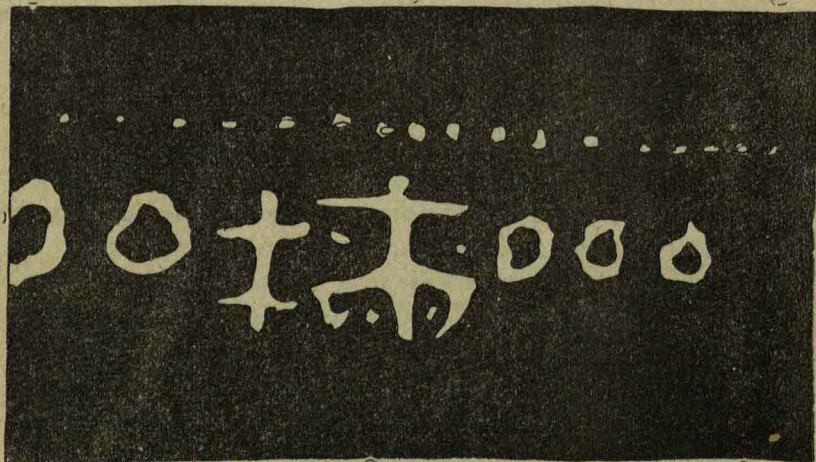
Рисунки на стенах не считаются с ограничением, налагаемым мусульманством, запрещающим изображения одушевленных предметов, и, как было упомянуто, не останавливаются и пред изображением животных и человека. Обычно это делается в удивительно примитивной форме, напоминая рисунки, выбитые на скалах и камнях, видимо б. ч. очень старого происхождения, встречающиеся в разных местах Средней Азии. На рис. 3, срисованном со стены в сел. Арзынг (Вахия), изображен охотник, преследующий дикого козла и держащий в руке палку,—„ши-кёр-чуў“ (شکارچووب) для ходьбы по горам. За спиной у него ружье. Влево от охотника показана его собака, преследующая убегающего дикого козла.

¹ Условное изображение на стене овец точками, повидимому, является широко распространенным в Шугнane. Как любезно сообщил мне Ша-Темур, сам родом шугнанец, в каждом шугнанском доме в день Науруза на стене наносят мукою большое количество точек, изображающих овец. Это имеет магическое, заклинательное действие. Чем больше будет изображено точек на стене, тем больше должно соответственно увеличиться в наступающем году число овец, имеющихся в данном доме.

3. Из рисунков на стене дома в сел. Арзынг (Вахия).

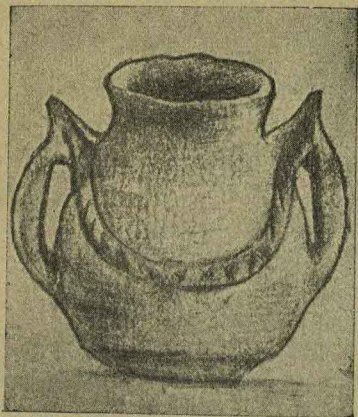
Очень характерен рис. 4, зарисованный со стены дома в сел. Вазнаўт (Рушан). Средняя большая фигура—мужчина, влево от него—женщина. Они нарисованы *ночью* (фон рисунка, вероятно с этой целью, сделан черным). Кругом ног мужчины видны четыре звезды и линия звезд тянется горизонтально в верхней части рисунка. По бокам мужчины и женщины нарисовано несколько лун.

4. Рисунок на стене в сел. Вазнаўт (Рушан). Длина $1\frac{1}{2}$ арш., высота 1 арш.

Но у женщины есть еще целый ряд других работ, где проявляется ее склонность к украшению. Она, обычно, единственный гончар на всем пространстве, заселенном горными таджиками (мужчина в это дело не вмешивается) и лепит посуду как для себя, так и для продажи, работая

самым примитивным способом при помощи ложки и обходясь без гончарного станка. Но и в этой колыбели гончарного ремесла проявляется много вкуса и забот к украшению своих изделий. Помимо придавания

Дарваз. Небольшой игрушечный сосуд из обожженной глины. Орнамент, изображающий веревочку.

им красивой внешней формы, иногда причудливой в искании разнообразия, она наделяет их орнаментом. Последний обычно состоит или из вдавленных линий по слою глины, или узор накладывается в виде рельефных полосок на поверхность сосуда. Последний способ украшения очень распространен, напр., в Дарвазе и, кроме того, встречается и в Ягнобе—небольшой стране, находящейся в глуши труднодоступных гор в верховьях р. Зарешана, заселенной особой народностью—потомками самых древних засельников Средней Азии, до сих пор сохранившими свой древний язык, отличный от персидского.¹

Но помимо нанесения орнамента на свои сосуды вдавливанием рисунка или, чаще, накладыванием при помощи налепляемых полосок из глины, таджикча прибегает и к раскрашиванию. В долине Ях-Су, например, распространено разрисовывание сосудов узорами из красной или красно-

5. Сосуды из обожженной глины из Ягноба.

¹ Следует отметить, что в Ягнобе, отличающемся среди таджикских стран, в противоположность верховьям Панджа, удивительной бедностью орнамента, экспедицией отмечен всего только один узор, применяемый в керамике. Образчик его применения виден на р. 5 на втором сосуде справа. Линия рисунка несколько напоминает опущенные усы с очень закрученными концами, соединенные в верхней части в одну линию. В середине ставится небольшая шишечка. Других узоров или рисунков, кроме изображений диких коз, иногда встречающихся на скалах, в Ягнобе нами не найдено. Повидимому, это самая бедная страна в области орнамента в Средней Азии, что, вероятно, объясняется ее экономическими условиями.

6. Сосуды из обожженной глины из Дарваза.

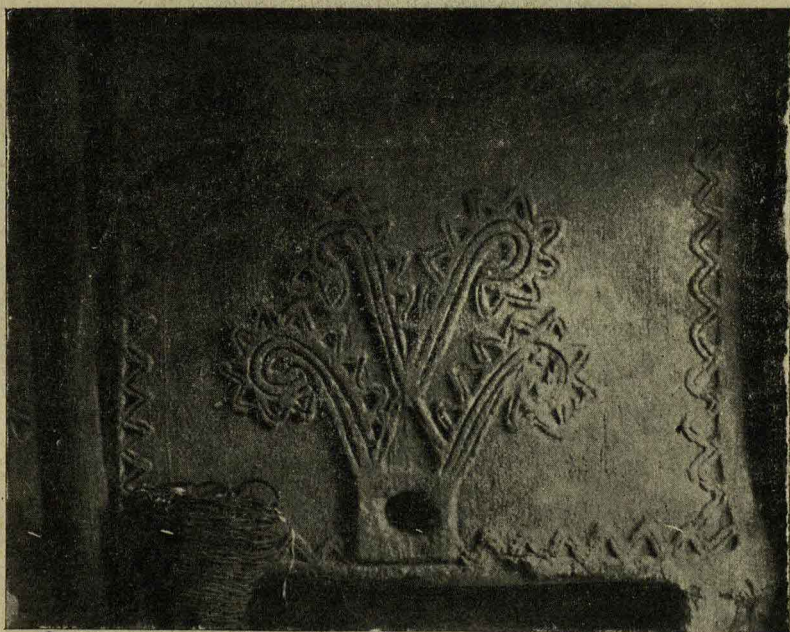
вато-коричневой минеральной краски (добываемой в окрестных горах), напоминая раскрашивание посуды в Древней Греции. Здесь этим делом опять-таки занимаются женщины. Образец подобной выделки приведен

7. Сосуды из глины в долине Ях-Су (Восточная Бухара) с нанесенным на них рисунком, приготовленные для обжига.

на рис. 7. Вверху показаны сосуды для воды, в нижнем ряду показаны „даст-шуй“—сосуды для умывания над ними рук, которые подносят присутствующим за едой, после ее окончания и пред ее началом. Стекающая с рук вода проходит в дырочки в середине круга и скопляется в находящемся под ним небольшом глиняном резервуаре.

Но, не ограничиваясь изготовлением сосудов, таджичка украшает орнаментом и другие вещи, которые она сооружает из глины. На рис. 8 показан глиняный закром, сделанный в виде большого ящика, сооруженного из глины и тоже женщинами. Внизу имеется отверстие, заткнутое, когда этот глиняный ларь наполнен. Оно открывается, чтобы выпустить, подобно крану, требуемое количество зерна. На подобие того, как видно на приведенном снимке, сделанном в г. Ховалинге (Восточная Бухара), лицевая сторона этих хранилищ зерна часто снабжается рельефным орнаментом, иногда поразительно смелым и красивым.

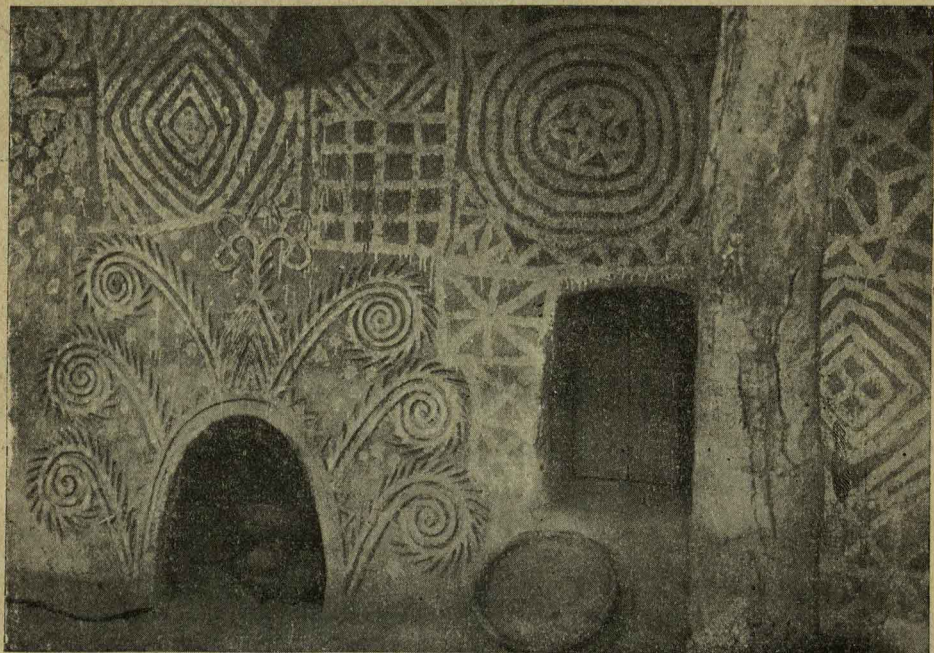

8. „Хамба“—глиняный закром, ларь для хранения зерна, из г. Ховалинга (Восточная Бухара).

Хотя реже, но рельефный орнамент попадает и на стены, где он иногда подвергается даже примитивной раскраске. На рис. 9, представляющем фотографический снимок со стены веранды одного таджикского дома в небольшом селении Хонако (окрестности Ховалинга), показана часть расписанной узорами стены, где кругом отверстия в „танур“—печка для выпекания хлебов, имеется как раз образчик этого способа украшения стен.

В некоторых местах, как это встречено было экспедицией в долине Варзоб (на север от Дю-Шамбе), расписывание и украшения стен дает иногда образчики очень высокой степени развития искусства (на этот раз работа мужчин, видимо, специалистов-рисовальщиков—„наккош“),

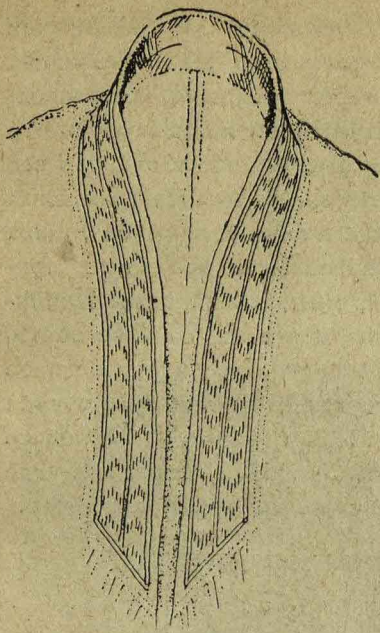
но, к сожалению, сделанные фотографические снимки утеряны и не могут быть приведены.

9. Стена веранды в одном доме в сел. Хонако (окрестности Ховалинга, Восточная Бухара).

Но только переходя к вышиванию, к украшению одежды, к вязанью, таджичка попадает в надлежащую среду и здесь ее искусство стоит высоко. Орнамент в этой чисто женской области соответственно развивается и проявляется в крайне разнообразных узорах. Начинаясь с простенького рисунка, воспроизводящего следы горной куропатки, водящейся в родных горах, искусство таджички доходит до очень сложного орнамента. Само вышивание производится несколькими различными швами и, в том числе, способом, соответствующим нашему вышиванию крестиками, с той только разницей, что вместо употребления канвы счет ведется прямо по ниткам ткани.

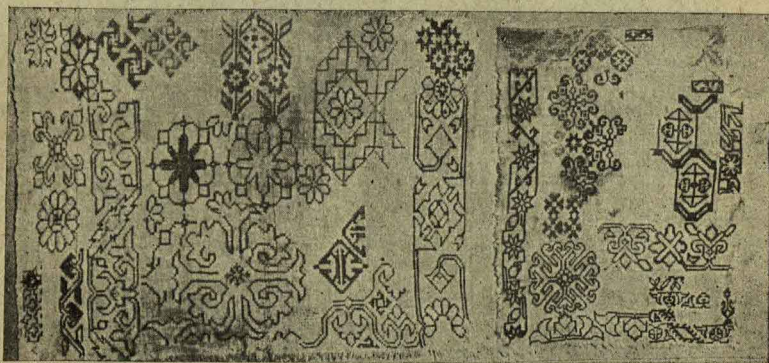
Естественно, что при большом развитии орнамента и при невозможности запомнить и передать на память многочисленные и подчас очень сложные узоры, попадающиеся в большом выборе в разнообразных вышивках, а также встречающиеся при вязаньи чулок, таджичка должна была прибегнуть к какому-нибудь способу коллекционирования и хранения своих рисунков. Так как бумага в верховьях Аму-Дарьи и до

10. „Узор“ следы куропатки на воротнике халата, носимого в Шугнана и Рушане.

припамирскими таджиками „нукса“ (очевидно, из арабск. *نقش* — „рисунок“, „запись“).²

сих пор является редкостью, то наш теперешний способ составления альбомов рисунков был обойден еще в глубокой древности тем, что вместо бумаги брались имевшиеся под рукой кусочки и обрывки материй, обычно своей же домотканой хлопчатобумажной ткани, иногда просто белые тряпки, и по ним вышивалось из заинтересовавшего узора ровно столько, сколько нужно было для практической надобности.¹ Собрание таких основных мотивов различных узоров покрывает подобные куски ткани и заменяет для подрастающих девочек, а также и для взрослых наши альбомы рисунков. При вязании чулок тоже имеются свои „альбомчики“ представляемые специальной узкой вязаной полосой, по которой тесно расположены образчики чулочного орнамента. Такие собрания узоров, альбомы, будь они вышиты на кусочках ткани или выявлены в вязаной полосе, одинаково называются

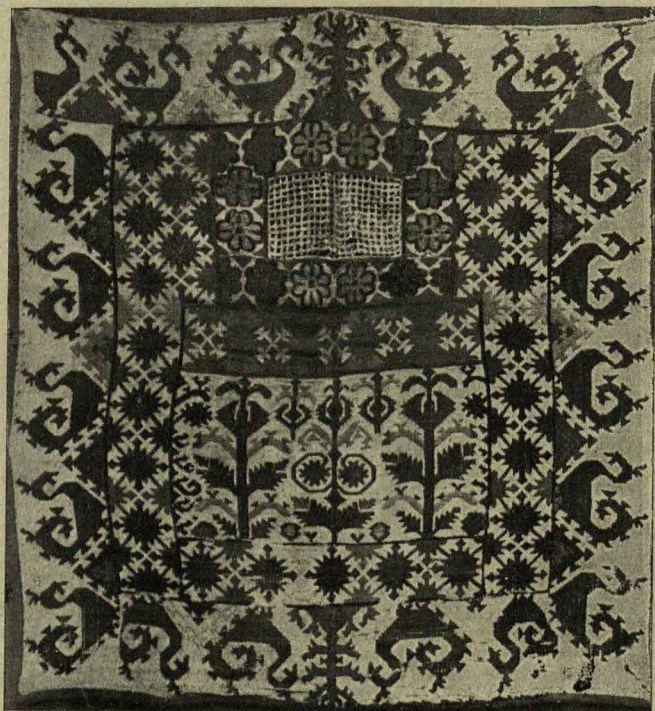

11. Две „нукса“ (собрание узоров — „альбомчики“) для вышиванья, из Рушана.

¹ Подобный способ собирания узоров, как можно думать, в старое время был довольно широко распространен в Средней Азии, когда местное искусство стояло выше, но потом постепенно эти „альбомчики“ стали исчезать, и в Ташкенте, наприм., о них среди туземного населения в настоящее время скорее сохранились одни воспоминания.

² В коллекциях, собранных экспедицией, имеется сорок таких „альбомчиков“ („нукса“) для вышивания, представляющих очень интересный материал для выяснения орнамента вышивания в Рушане и Шугнана, а также имеются две вязаных полосы — альбомчики для вязания чулок. В одной из них, очень небольшой, приведено семь различных узоров, в другой, более длинной, — девятнадцать. Эти „альбомчики“ переданы в главный Средне-Азиатский Музей в Ташкенте.

При рассмотрении старинных „нукса“ с узорами для вышиванья становится ясно, как высоко стояло раньше вышиванье среди таджиков. Это подтверждают также и сохранившиеся старые вышивки. В настоящее время искусство вышиванья, видимо, значительно понизилось и в то время, как в верховьях р. Панджа чулочный орнамент и до сих пор все еще поражает своим разнообразием и богатством, встречаясь на каждом шагу на чулках, надетых на таджиков и летом и зимою, прежнее умение вышивать, видимо, сильно пало и вышивки попадают в обиходе припанджских таджиков, сравнительно с чулками, значительно реже. Причина этого, может быть, кроется в уменьшении достатка, зажиточности, сопряженных с уменьшением требования на вышивки, являющиеся скорее роскошью. Чулки же удерживают свое место, так как в них чувствуется настоящая потребность в довольно холодном климате верховьев Панджа. Они служат также предметом вывоза, меновой торговли, где соответственно расценивается и хороший рисунок, привлекающий взор.

12. Вышитое покрывало на лицо невесты („ру-банд“) из сел. Арганкон Вахия.

Не без влияния на понижение вышиванья, может быть, оказались и европейские ткани, разноцветные узорчатые ситцы, начавшие проникать в припамирские страны и, видимо, несколько заглушившие своими рисунками потребность в узорах, доставляемых вышиваньем.

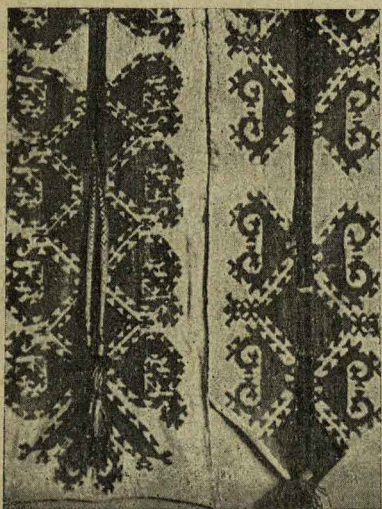
Так как орнамент вышивок в довольно значительной своей части повторяется и в чулках, то я выпускаю поэтому рассмотрение главных

его мотивов, т. к. о них придется подробно говорить при описании чулочного орнамента.

Заговорив о вышивках, не могу обойти молчанием прелестные старинные образчики этого искусства, встречающиеся в покрывалах для лица невесты, называемых „ру-банд“. Ру-банды в настоящее время попадаются очень редко (экспедицией встречено было в разных местах на пути от Ях-Су до Шугнана всего пятнадцать таких покрывал, из которых ею было приобретено тринадцать). Новых ру-бандов, по отзывам таджиков, больше не делают и сохранившиеся можно рассматривать поэтому, как образцы старого, исчезающего искусства. Орнамент их,

возможно, несколько разнится от обычного характера вышивок, встреченных в долинах Ях-Су, Вахия, Ванча и Шугнана-Рушана, но для его характеристики и описания не имеется еще, к сожалению, достаточно материала.¹

Характерные петухи („хурас“), являющиеся одним из популярных мотивов, входящих в рубанды, встречаются, как видно на р. 13, и в прочих вышивках в районе Ях-Су.

13. Ворота женских рубашек из долины Ях-Су.

шенной кожи, и верхняя часть чулка, таким образом, почти всегда видна на ноге таджика, сквозя между невысокими голенищами и штанами. Эти чулки широко распространены в таджикских странах в верховьях Аму-Дарьи—в Дарвазе, Ванче, Язгулеме, Рушане, Шугнана и выше по течению реки, встречаясь также в соседнем Бадахшане и даже в Читра-

¹ Возможно, что некоторая разница в орнаменте рубандов объясняется присутствием в них дарвазского элемента в орнаменте, так как таджики на пространстве от Ях-Су до Рушана, в тех случаях, когда заходил разговор о происхождении имевшихся у них рубандов, часто указывали на Дарваз, как на место, откуда они первоначально были получены. К сожалению, выяснить это обстоятельство и собрать дарвазские узоры не удалось, т. к. экспедиция прошла из Ях-Су в Вахия и оттуда, через перевал Ситарги, в долину Панджа, проследовав затем в Язгулем и Рушан и обойдя, таким образом, Дарваз.

Дарвазский орнамент приведен в прекрасно изданных образцах гр. А. А. Бобринским в его „Орнамент Горных Таджики Дарваза“, Москва, 1900, но без объяснения самого орнамента.

ле, т. е. по южному склону Гиндукуша. В припамирских странах производство чулок занимает настолько видное место, что в Рушане, напр., и Горане, где их выделка стоит особенно высоко, они являются предметом вывоза, торговли. На них, наприм., рушанцы часто выменивают нужные для себя предметы в соседних странах—например, железные изделия в Ванче и пр. При отсутствии в старое время монетного обращения, чулки, наравне с домотканой материей, заменяли деньги и служили для товарообмена. Они входили также в уплату податей.

Чулки вяжутся таджичками посредством тонких деревянных спиц, при чем для вязанья больших чулок обычно употребляют четыре спицы; для маленьких, детских, довольствуются тремя. В верхней части Рушана и в Шугане нам попался еще способ вязанья чулок, называемый „читральским“, что, повидимому, указывает на происхождение этого приема вязанья из Читрала.

Разнообразие орнамента в чулках положительно поражает. Даже при быстром прохождении экспедицией припамирских стран летом 1925 г. нам удалось собрать около 80 образчиков различных чулочных узоров, при чем были не только собраны образцы, но, оказалось, что обычно для каждого узора имеется свое особое название и, что очень характерно, как *в этих названиях, так и в представлениях вязавших женщин, до сих пор сохранилась и видна связь между узором и предметом, первоначальное изображение которого легло в основание узора.* Таким образом и здесь подтвердилось мнение о первоначальном фигурном происхождении первобытного орнамента, если не целиком, то, по крайней мере, с сравнительно только очень небольшим применением чисто геометрических форм.

Следует, однако, отметить, что сознание внутреннего смысла орнамента, как и названия различных узоров, уже начинают теряться в народных представлениях, даже в таких глухих местах, как страны в верховьях Аму-Дарьи. Мужчины обыкновенно знают теперь только названия наиболее популярных узоров, но и среди женщин больше всего знают узоры и их значение, главным образом, старухи. Молодые же женщины, видимо, постепенно теряющие на наших глазах прежнее искусство вышивания, рукоделий, естественно, знают эти узоры, как пришлось убедиться, менее твердо.

По характеру вошедших в него сюжетов таджикский орнамент, употребляемый для чулок, может быть разделен на следующие главные категории:

1) Воспроизведение следов животных. Мною собрано шесть различных узоров, из которых каждый изображает собою стилизованный след какого-нибудь животного и соответственно носит это в своем названии: „следы куропатки“, „ящерицы“, „медведя“ (табл. I, рис. 2), „тигра“ (т. I, р. 1), „волка“ (т. I, р. 3), „кошки“ (т. I, р. 4).

Иногда тот же самый узор, однако, называется в некоторых местах „лапами“ вместо „следов“—напр., „лапа тигра“ (пандж-і шір) вместо „следы тигра“. Существенной разницы в значение орнамента это, конечно, не вносит.

2) Животные, насекомые, птицы. Мною записаны узоры, носящие названия и представляющие следующих животных: „утки“ (т. I, р. 10), „петух и курица“ (т. I, р. 12), „воробышек“, „скорпион“ (т. II, р. 14), „извивающаяся змея“ (т. II, р. 13).

3) Части тела различных животных. В собранных коллекциях имеются образцы и записаны названия следующих орнаментов: „рога барана“ т. II, р. 17), „ласточкин хвост“, „когти барса“ (т. II, рис. 15), „глаз соловья“, „глаз петуха“, „грудь сокола“ (т. II, р. 17), „перо павлина“ (т. II, р. 19, 20). Большая часть этих сюжетов встречается в различных вариантах.

4) Растения. Преобладающий мотив в этой категории—изображение, обычно очень условное, того или другого цветка, при чем, с одной стороны, изображаются местные горные растения, с другой стороны такие, которых в данных таджикских странах нет, но которые очень популярны в персидской поэзии и метафорах („пион“, „нарцисс“, „жасмин“), и узоры, изображающие их, видимо, могут считаться заимствованными. Среди записанных орнаментов можно отметить: „одуванчик“, „роза“, „шиповник“, „нарцисс“, „пион“, „горох“ и др. Названия некоторых других цветов, вошедших в орнамент, как и самые узоры, имеются в собранном материале, но, к сожалению, эти названия записаны только на местных диалектах и не переведены на русский яз. за невозможностью пока определить, что это за растения.

Помимо цветов в орнамент вошли и другие части растений. Имеются—„ножка цветка“, „листья барбариса“.

Представлены и целые деревья: „плакучая ива“ (т. I, р. 8), „самшит“, славящийся своей стройностью и прямым стволом, „чинар“, окруженный поэтическим ореолом, попадающийся в различных вариантах (т. I, р. 5, 6, 7), „ветви“ которого („шбх-і чанбр“) тоже вошли в орнамент.

5) Различные предметы из домашнего обихода. „Прялка“ (т. II, р. 23), „чайник“ (подразумевается туземный чайник, кумган—т. II, р. 22), „цепь и ключ“ (т. II, р. 24), „рукоятка меча“ (т. III, р. 27), „соколиный ошейник“ (т. II, р. 22), „сундучек“, „ячмень и клетка“ (т. III, р. 25), „амулетик“, „ножницы“, „бусы“ и др.

К этой же категории может быть отнесен также поразительный рисунок, представляющий собою стилизованный план расположения земельных наделов, участков в сел. Човид (на афганской стороне Рущана). Этот орнамент (см. т. III, р. 26) встречается в разных вариантах и носит общее название „човидские участки“ („човид чакалін“).

6) Рисунки, заимствованные без сознания значения изображаемого предмета. Напр.—„читральский узор“, „жявайский узор“ (Жявай—название селения в афганском Дарвазе), „греческий (или малоазиатский, константинопольский) рисунок“ („банд-і рӯмі“).

К этой же категории относятся рисунки, заимствованные из орнамента, свойственного каким-либо предметам, взятого с этих предметов. Напр. „узор с колыбели“, „узор коробки“ („накш-і таванъг“—т. е. рисунок с „таванъг“—круглых деревянных коробок, напоминающих наши туеса, но только менее высокой формы—т. III, р. 29). В особенности распространены заимствования из коврового орнамента, главным образом из ковров, вырабатываемых памиро-алайскими киргизами. Эти заимствованные с ковров узоры так и называются „рисунок ковра“ („накш-і кōlīn“—т. III, р. 30, 31, 32). Иногда узор берется с вышивок—напр., „шірōзі гул“, т. е. „рисунок с ширōзі“. (Ширōзі — „ширазское“—название вышивок, бордюров, употребляемых для обшивания одежды, распространенных широко в Средней Азии).

7) Человек, кукла. В образцах орнамента, собранных мною в Рушане, имеются два очень различных по характеру узора, изображающие „человека“ и, кроме того, один узор, представляющий собою „куклу“. Должен сказать, что один из двух узоров, представляющих „человека“, мало чем отличается от узора „кукла“, показанного на р. 9, т. I. Можно даже предположить, что не явилось ли самое название „кукла“ более позднейшим словом, за которое спряталось первоначальное изображение человека, запрещаемое современной религией.¹

8) Орнамент мифологического характера. К последней категории может быть отнесен „лук Рустема“, любимого героя, сказачного богатыря древнего Ирана (т. III, р. 28) и орнамент свастики, представляющей „дракона“. Свастика („дракон“) встречается в разнообразных вариантах и является одним из любимых, распространенных сюжетов для узоров. Этот мотив можно разделить на две категории: простую свастику, только одного „дракона“ („ажьдōр“, „ажьдāль“, „ажьдаhōр“ и пр. формы одного и того же слова в народных говорах), называемого также „калік“ („плешивеъный“) (см. р. 33, 34, т. III) в отличие от другой формы—„дракон с рогами“ („ажьдōр ва шōх“—ارژدهار باشاخ). Последний разряд представляет собою сравнительно небольшого размера свастику, вставленную в центр окружающего ее орнамента из рогов (см. р. 35, 36, т. III).

¹ Подобно, напр., тому, как в каком то образом докатившемся до наших дней очень загадочном и тщательно скрываемом культе идолов, имеющемся или имевшем очень недавно место среди небольшой кучки арабов Катта-Курганского уезда Самаркандской обл., почитаемые ими божества, которым совершалось поклонение и приносились жертвы, назывались среди окружающей мусульманской обстановки „куклами“. (См. Известия Турк. Отд. Русск. Геогр. О-ва, т. XVII, 1925 г., стр. 131—133, 139—140 в статье М. Андреева—„Некоторые результаты этнограф. экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г.“)

Образцы чулочного орнамента, приведенные в отдельных таблицах.

За невозможностью использовать полностью в настоящем кратком очерке весь материал, привезенный по чулочному орнаменту, в прилагаемых отдельно трех таблицах я привел только то, что мне показалось наиболее характерным среди собранных мною образцов различных узоров.¹ Некоторые из них, чтобы показать процесс изменения, приведены мною в различных вариантах.

Почти все чулки, узоры с которых вошли в приведенные образцы, вязаны из цветной шерсти, дабы выделить узоры или части узоров различными цветами, как это принято у таджиков. Только редко, в наиболее бедных чулках или в нижней половине чулок, прячущейся в голенище, можно встретить вязанье из двух цветов—белого и темного (черного), являющихся естественным цветом употребленной шерсти (напр., т. I, р. 4, т. III, р. 34). Обычно шерсть окрашивается в разные цвета, с применением за последнее время, увы, часто анилиновых красок. Преобладают цвета—желтый, синий, фиолетовый, зеленый, красный—различных оттенков.

Названия и содержание приводимых в отдельных таблицах узоров следующие:

Т а б л и ц а I.

- 1) „Лапа тигра“ (след тигра)—„панджа́-и ші́р“ (پنجه و شیر). Рушан.
- 2) „Медвежий след“—„па́-и хы́рс“ (پی و خرس). Впервые встречен экспедицией в долине Ванджа. Очень широко распространенный орнамент также в Язгулеме и Рушано-Шугане.
- 3) „Волчья лапа“—„вурдж пѳа́къ“.² Встречается в Рушане и Шугане. В одном случае мне назвали этот узор, как „гу́л-и чи́т“—„рисунок с сита“. Характерно в нем присутствие в центре узора маленького изображения свастики. В этом отношении он приближается к „рогатому дракону“ (т. III, р. 35, 36).

¹ В более подробном виде я надеюсь потом обработать и издать материалы по орнаменту в издании Общества для изучения Таджикистана, где и рассчитываю поместить полный перечень различных узоров, собранных экспедицией.

² Для передачи некоторых звуков, несвойственных русскому языку, встречающихся в таджикских и киргизских названиях узоров, в тексте статьи приведены следующие обозначения:

з—звук, соответствующий англ. th в слове that.

ш—изображает особый звук, свойственный припамирским иранским диалектам, состоящий приблизительно из нашего X с некоторым прибавлением при выговаривании одновременно звука III.

к—твердое к (ق).

дж—обозначающий один звук, соединенный из „д“ и „ж“ (арабск.—ج).

4) „Кошачья лапка“ (след)—„чангōl-i пшīк“ (چنگال پشک) или просто „чангōlāk“ (چنگالک), как этот орнамент называется в долине Ванджа. В Рушане его тоже называют „пшш пōзāk“ („кошачья лапка“) или „чакāнд“. Широко распространенный орнамент, встречающийся в нескольких вариантах и применяемый также и в вышивании.

5, 6, 7)—Образцы вариантов одного и того же мотива—„чинар“ или „ветви чинара“: „чанōр“ (چنار), „шōх-ī чанōр“ (شاخ چنار) в ванджском говоре, и „чінōрāk“ (چنارک)—в рушанском диалекте. Один из самых распространенных орнаментов.

8) „Плакучая ива“—„маджлūм бēд“ (исоверканное народное произношение) и „маджнūн бēд“ (بيک مجنون). Встречается в Рушане и Шугнанае.

9) „Кукла“—„ўзāk“ (узаак). Рушан. Сравнительно редко встречающийся узор. Для более ясного усвоения смысла мотива следует принять во внимание туземный способ сооружения куклы. Берется палочка (показана в виде продольной тонкой линии в середине узора) и на один конец ее, изображая голову, наворачивается из тряпки шишка, нечто вроде тампона. Так как рисование лица, в особенности глаз, с правоверной мусульманской точки зрения считается неодобрительным, то обычно во всей Средней Азии при помощи заплетания из цветных ниточек на голове куклы изображается ромб, представляющий собою условно *лицо* (показан в рисунке). Этот остов из палочки с прикрепленной небольшой поперечной перекладиной ниже головы (не показана на рисунке) одевается в соответствующий костюм для куклы с свешивающимися рукавами (показан в узоре в виде двух симметричных отдельных половинок).

10) „Утка“—„мурғōbī“ (مرغابی). Довольно распространенный орнамент, встречающийся от Дарваза до Шугнана. Попадает в различных вариантах.

11) „Курицы спиною друг к другу“—„дам ба дам чашāk“ (Рушан). Несколько менее распространенный узор по сравнению с предыдущим, хотя встречается также в разных местах. Были встречены небольшие варианты.

12) „Петух и курица“—„чш-ат кардж“ (Рушан. Орнамент встречается и в Дарвазе, но дарвазское название мне неизвестно).

Т а б л и ц а II.

13) „Извивающаяся змея“—„мōр ғалтūнāk“ (из مارغلطان)+уменьш. ч. ак). Вандж. Ломаные зигзагообразные линии представляют собою „змею“, а промежуточные параллельные линии из ромбов—*очки, пятна*, идущие по телу змеи. Орнамент очень распространенный и попадает в Дарвазе, Вандже, Язгулеме, Рушане и Шугнанае.

14) „Скорпион“—„гыздым“ (Вандж), „гыздумак“ (كاجدمك). Очень распространенный орнамент, встречающийся в разных вариантах в дарвазо-шугнанском районе. В приведенном узоре изображено в стилизованном виде тело скорпиона с отходящими и загибающимися в обе стороны „хвостами“.

15) „Когти барса“—„чаньг-і паляньг“ (چنگ پلنگ). Когти представлены в виде подвески из когтей, амулета, где когти соединены у основания друг с другом, образуя приведенную фигуру. Распространенный орнамент на всем припамирском пространстве, где вяжут чулки.

16) „Соколиная грудь“—„сіна-і ббз“ (سینه باز). Орнамент, известный под этим названием от Дарваза до Рушана. Представляет собою пеструю грудь сокола. В Язгулеме, однако, помимо „сіна-і ббз“, он называется также „сар-паяк“.

17, 18) „Рога барана“, называемые в рушанском диалекте „маў-бдж шаўак“. Как можно предположить, этот мотив заимствован из киргизского орнамента, где он также называется „бараньими рогами“—по киргизски „кучкурўк“ (о значении этого мотива в киргизском орнаменте см. ниже). К этому предположению приводит и то, что рядом с названием „маўбдж шаўак“ в том же Рушане данный орнамент называется также и „кучкбрак“. Последнее слово является уменьшительной или ласкательной формой от „кучкбр“ (قوچقار)—„баран“: слово турецкого происхождения, заимствованное, вероятно, от киргизов.

Должен оговориться, что мотив, изображенный на р. 17, в одном случае в Рушане мне называли так же, как „листья цветка“ (برگ گل).

Сильно сомневаюсь в основательности этого объяснения, в особенности если сравнить данный мотив с типичным „кучкурўк“ в киргизском орнаменте, представленном на р. 15. То же самое можно сказать и о втором варианте, приведенном в р. 18, который мне называли в одном случае в том же Рушане, как „сад-баргак“ (صدرگك)—„розочка“. В вывезенной из Рушана вязаной полосе, содержащей в себе собрание узоров для вязания чулок, орнамент „бараньих рогов“ („кучкбрак“) имеется также в следующем интересном варианте:

14. „Рога барана“ на полосе с узорами из сел. Шидз, Рушан.

19, 20)—Варианты одного и того же орнамента—„перо павлина“ „пар-і тбўс“, „пар-тбўс“ (پر طاوس). Очень распространен в Рушане и

Шугнана, реже встречаясь в Вандже и Язгулеме. Изображает собою очко, глазок в конце павлиньего пера.

Так как павлины в горных таджикских странах совершенно не водятся, то имеются основания предположить, что сюда этот мотив проник из Читрала, попав в последний из Кашмира, где этот узор часто попадался на широко расходившихся повсюду кашмирских шалах.

21) „Жигаўлі“ (по другому произношению „жюгаўлі“). Этим словом называется повязка, *ошейник на шею у охотничьих птиц*. Делается из шелковой тесемки, имеющей на свешивающихся от шеи двух концах по небольшой кисточке. При схватывании птицы ее задерживают, хватая за эти висячие концы. Этот орнамент, изображающий „птичий ошейник“ распространен очень широко на всем пространстве, где горные таджики вяжут чулки.

22) „Чайник“—„чōj-джуш“ (جای جوش). Узор представляет из себя туземного типа высокий чугунный или медный сосуд для кипячения воды и заваривания в нем же чая. Данный узор встречается сравнительно редко.

23) „Прялка“—„чархā“, „чарх“ (چرخ). Для мотива орнамента взято колесо прялки. Узор распространен от Дарваза до Шугнана включительно.

24) „Цепь и ключ“—„кбīlī-у занджīр“ (کلید و زنجیر); в Рушане тот же узор называют просто „шезāкь“ („ключ“). Представляет собою ключ от деревянного таджикского замка, повторяющийся по обе стороны извивающейся цепи. Очень распространенный орнамент, попадающийся в нескольких вариантах.

Т а б л и ц а III.

25) „Ячмень и клетка“—„джаў-у кафāс“ (جو و قفس). Ромб с двумя прорезами изображает два отверстия в клетке. Под одно снаружи обычно подвешивается небольшой сосуд с водой, под другое—с кормом. Зернистые ромбы изображают ячмень, которым кормится птица. Довольно распространенный орнамент на всем пространстве, но вариантов почти не имеет.

26) „Човидские участки“—„човīд чакālīн“. Представляет из себя, как было сказано выше, стилизованный план полей в сел. Човид (Рушан). Попадает в нескольких вариантах, встречаясь, главным образом, в Рушане и Шугнана.

27) „Меч“—„шамшīрāкь“ (شمشیرک). Несмотря на свое название представляет из себя лишь рукоятку меча, или, точнее, *насечку на рукоятке*. Белые черты изображают серебряную насечку, внутренний

желтый кружок—золотую, а дырочка в последнем—то отверстие, через которое проходит металлический стержень, связывающий обе стороны рукоятки и притягивающий их друг к другу. Узор довольно распространен.

28) „Лук Рустема“—„камбон-и Рустам“ (کمان رستم). Представляет из себя очень стилизованный лук с приложенный к нему стрелой. Видимо, довольно редко встречающийся орнамент, попавшийся нам в Рушане и Шугнана.

29) „Орнамент с таваньг“—„накш-и таваньг“. Как это видно из самого названия, данный орнамент является воспроизведением узора, помещаемого на деревянных сосудах, вроде туесов, называемых в долине Ванджа „таваньг“, а в Каратегине и Матче—„сббў“. Орнамент, встречающийся от Дарваза до Шугнана и попадающийся также и в ковровом орнаменте в некоторых ковровых районах Средней Азии.

30, 31, 32) Все три узора, по объяснению таджиков, представляют собою „орнамент ковра“—„накш-и колін“ (نقش کالین), т. е. являются рисунками, заимствованными с киргизских ковров. Должен, однако, прибавить, что относительно орнамента на р. 30 мне встречалось в Рушане (сел. Хидз) также определение, что это „насрін“ (نسرین), т. е. „шиповник“, а что касается орнамента на р. 32, то в Вандже, помимо того, что это „рисунок ковра“, я встретил также определение, что это „нахи-и пешь“, т. е. представляет собою рисунок, заимствованный с узора на груди рубашки („пешь-и куртá“). Все три узора довольно распространены.

33, 34) „Дракон“—„ажьдаһор“ (اژدهار), „ажьдор“, „ажьдál“, иначе называемый также „калїк“—„плешивенький“. Последнее название означает, что дракон-свастика представлен в этом узоре лишенным свойственных ему рогов. Этот орнамент встречается в многочисленных вариантах на всем пространстве, где таджики вяжут чулки.

35, 36) Два варианта „Дракона с рогами“—„ажьдор ва шох“ (اژدهار باشاخ). Небольшой рисунок свастики здесь всажен в розетку из рогов. Интересно приближение последней формы в р. 36 к киргизскому орнаменту „питаў кучкурўк“ (р. 18). Любопытно, что узор свастики в киргизском орнаменте не встретился, в то время как в таджикском он является одним из популярных мотивов.

II.

Киргизский орнамент.

Пройдя через Таджикистан и исполнив свою главную задачу, экспедиция возвращалась через Памиры и здесь только столкнулась с киргизами или, как они чаще известны в русской литературе, с кара-киргизами, составляющими единственное, крайне редкое население этого пустынного, безотрадного горного плато, не спускающегося обычно ниже одиннадцати тысяч футов высоты над уровнем моря. Население здесь так редко, что на пути попадались только одинокие юрты или небольшие аулы в 3—4 юрты, отделенные друг от друга десятками верст пустынного пространства. Уклониться с пути для посещения более обширных киргизских стоянок, в виду необходимости спешить, не представлялось возможным. Даже знаменитая своими прекрасными пастбищами Алайская долина, следовавшая за Памирами, при проходе экспедиции была уже почти оставлена киргизами в виду начавшихся холодов (экспедиция возвращалась во второй половине октября), а спуск к Ошу по долине Талдыка в силу той же необходимости торопиться и моей болезни, случившейся при прохождении Талдыка, тоже не дал возможности и здесь поработать среди киргизов. Ознакомление с киргизским бытом на пройденном пространстве было, таким образом, очень ограничено. Но и за время коротких остановок в лежащих на пути киргизских юртах в области орнамента удалось определить и записать около тридцати различных узоров и собрать ряд образцов киргизских рукоделий, главным образом вышивок, несколько ковриков местной выделки, образцы узоров, составляемых из кусочков цветных тканей и пр.

Как и у таджиков, главный художник в выполнении различных узоров—женщина. Киргизка тклет ковры, украшая их рисунками, украшает кошмы, где тоже цветной шерстью или *appliqué* из цветной материи наносит на них свои неприхотливые узоры. Она украшает вышиванием кожаные изделия, составляет цветные узорчатые чии, где каждая камышинка соответственно обматывается цветной шерстью, чтобы получился общий рисунок, тклет узкие или широкие узорчатые шерстяные полосы, служащие для стягивания и укрепления юрты, но, опять таки, как и у таджички, ее искусство выше всего проявляется в вышивании. Ворота рубашек (р. 28, № 17—21), пояски на лбу, называемые „кыргызак“ (р. 28, № 13—14), перевязи „закак“, которыми

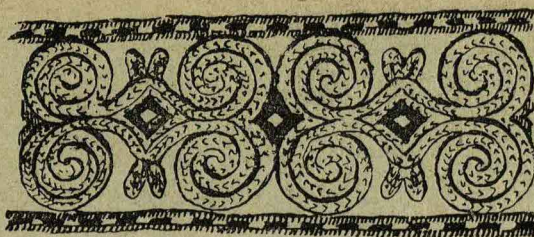
она перекрещивает свой верхний головной убор из белой кисеи, род тюрбана, называемый „каляк“ (р. 28, № 15, 16), „ча-ч-кеп“—род чепчика с „хвостом“ („куйрубۇч“), спускающимся по спине, выступающим из-под верхнего головного убора (р. 28, № 1—6), различные сумки, мешечки, подушки, покрывала, попоны и пр.—все покрывается вышиваемыми киргизкой узорами. Самое шитье, шов, при помощи которого производится вышивание, тоже очень разнообразно. В экспонатах, привезенных экспедицией в Главный Средне-Азиатский Музей, имеются образцы следующих швов, употребляемых киргизками при вышивании: 1) „ильме-дуз“ 2) „басма“ 3) „көптүрма“ 4) „джурмама“ 5) „терс-каик“.

Вышивание в лучших образчиках замечательно по своей тонкости и искусству, но, следует сказать, что оно стоит высоко или в вещах старой выделки, или сделанных теперь, но исполненных *старухами*. Молодые киргизки, по единогласному отзыву встречавшихся нам аулов и по тем образцам, которые пришлось видеть, уже не умеют делать то, что знали или еще знают старые.

Несмотря на, казалось бы, неблагоприятные условия для развития орнамента у киргиза-кочевника, в особенности при его обычном проживании очень небольшими кучками, разбросанными далеко друг от друга по горам, когда часто меняется местопребывание в зависимости от состояния пастбищ, следует все же отметить довольно значительное развитие киргизского орнамента. При сравнении с орнаментом таджиков, судя по встреченным образцам, получается впечатление большой разницы в характере обоих орнаментов, несмотря на присутствие как в том, так и в другом некоторого возможного элемента заимствования друг у друга.¹ Киргизский орнамент, где лейт-мотивом, заглушающим остальное, преобладает „кучкурук“—*рога*, проявляющиеся в различных комбинациях и вариантах, принадлежит по характеру к типичным тюркским орнаментам и близко подходит, по видимому, к орнаменту казаков (киргиз-казаков), но имеет, однако, и свои особенности от последнего.

„Кучкурук“—*рога барана*—самый популярный, распространенный орнамент среди киргизов. Он попадает и в ковры, и в вышивках, при чем иногда даже поглощает, если можно так выразиться, некоторые

¹ Общий дух обоих орнаментов настолько различен и так бросается в глаза своею разницей, что несколько киргиз-казаков Ташкентского уезда, случайно в Ташкенте зашедшие с улицы в помещение выставки и осматривавшие привезенные экспедицией коллекции, сразу, признавали образцы киргизских (кара-киргизских) рукоделий (вышивки, ковры и пр.) за свои—„это наше“, говорили они, подходя к киргизским витринам. Что же касается отделения с таджикскими вышивками, то они смотрели на него с недоумением и на вопрос—какой национальности мог бы принадлежать этот орнамент, отвечали—„это русский“... Действительно, арийский дух таджикских вышивок ближе подходил по орнаменту к русскому вышиванию (в особенности, к малорусскому), чем к киргизскому.

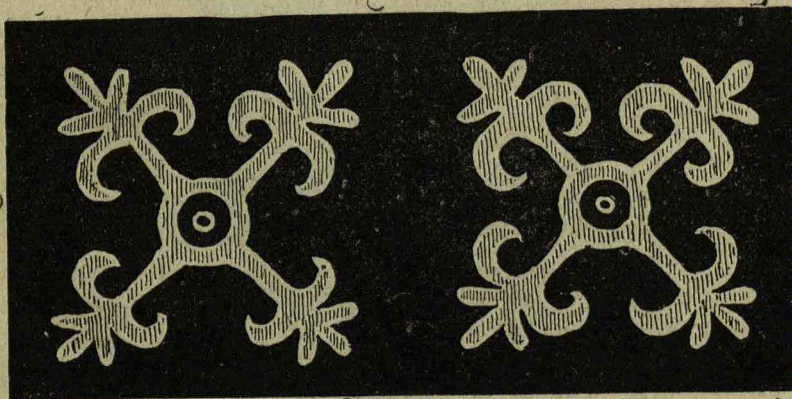

15. Образец орнамента „рога барана“—«кучкурук». Из вышивки на женском головном уборе («чач-кеп»). Работа киргизки Сулу-Хан, рода Теит, в 1920 г. Озеро Кара-Куль (Памиры).

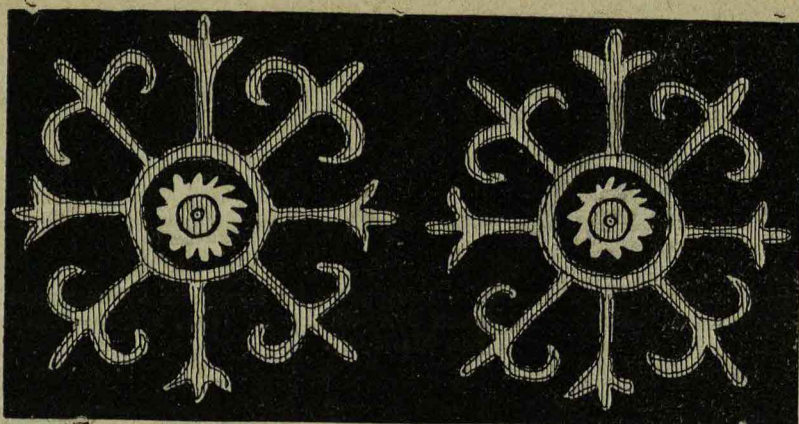
16. Образец орнамента «сынгарі кучкурук» («перевернутые бараньи рога»). Боковой бордюр с ковровой сумы «баштык», употребляемой для хранения женского головного убранства. Сума тканая в Алайской долине, в урочище Ничке-Су киргизкой Марварид-Хан, рода Кыдыр-Ша, в 1919 г.

прочие сюжеты, заменяя их своими формами. Так листьям цветов и листьям на ветвях часто придается форма завитков, соответствующих рогам и даже называемых иногда „кучкурук“, несмотря на всю очевидность представления ими все же листьев.

17. Образец орнамента «рога барана»—«кучкурук». Вышито на чехле от подушки («джастык»). Работа киргизки Арзы-Гуль, на берегу озера Кара-Куль (Памиры) в 1914 г.

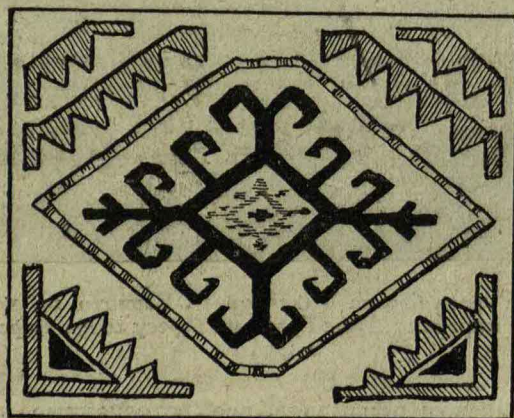
Как и в таджикском орнаменте, все встреченные узоры являются стилизованными изображениями тех или других предметов и даже там, где, казалось бы, налицо имеется чисто геометрический орнамент, на самом деле, в конце концов, и он оказывается изображением какого-нибудь предмета. Характерна в этом отношении, например, мелкая зиг-

18. Образец орнамента «кучкурук» («рога барана») Вышивка по сукну. Работа киргизки Аджар-Биби. Берег оз. Кара-Куль. 1918 г.

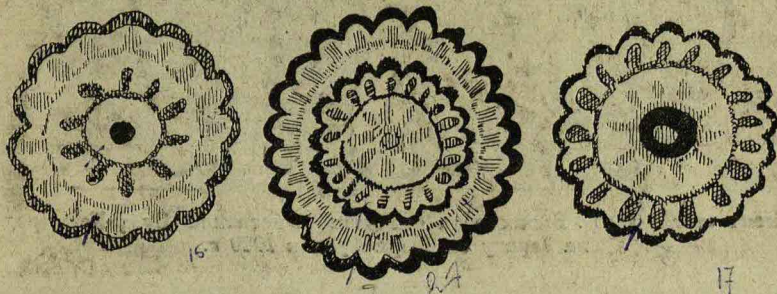
загообразная линия бордюра на р. 21. Казалось бы при его примитивности нет возможности заподозрить за ним негеометрическое происхождение, но, если внимательно расспросить киргизов, то, оказывается, что они считают, что и эта изломанная зубчатая линия изображает собою «скребок по выделке кожи» (делается из дерева), и как узор, называется в киргизском рукоделье этим именем — «йрэк».

Из записанных мною при прохождении экспедиции через Памиры и через Алайскую долину 29 узоров, два являются воспроизведением «следов» («след мыши» — «чичкән езі» и «собачий след» — «ит-таман»), девять относятся к растительному орнаменту (из них четыре изображают собою различные местные цветы, растущие на Памирах), семь

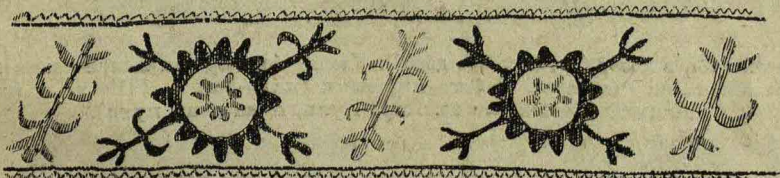
19. Орнамент «пिताу кучкурук». Центральный узор на ковровой суме, для хозяйственных принадлежностей, называемой «тауак-кап». Работа киргизки Буруль, рода Тент, в Алайской долине, в местности Кок-су в 1920 г. Зубчатый орнамент по углам — «ребра» («кабургас»), пестрый окаймляющий внутренний орнамент бордюра — «пестрые бусы» («ала-мунчак»).

представляют собою *части тела различных животных*, шесть являются воспроизведением *разных предметов из быта* киргиза и пять принадлежат к прочим категориям.

20. Орнаментированный цветок растения «тобуз девé» — вышивка на «зарака́» (перевязь женского головного убора). Работа киргизки Арзы-Гуль в Алайской долине в 1924 г.

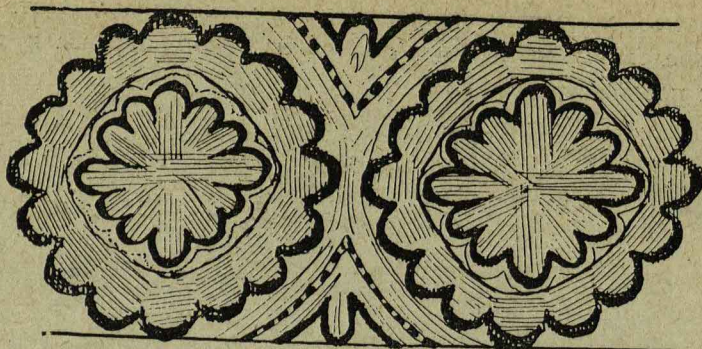
Среди наиболее популярных орнаментов (после „бараньих рогов“, конечно) можно отметить „тобуз девé“ — орнамент, изображающий собою, по словам киргизов, *цветок* одного горного растения, произрастающего на Памире.

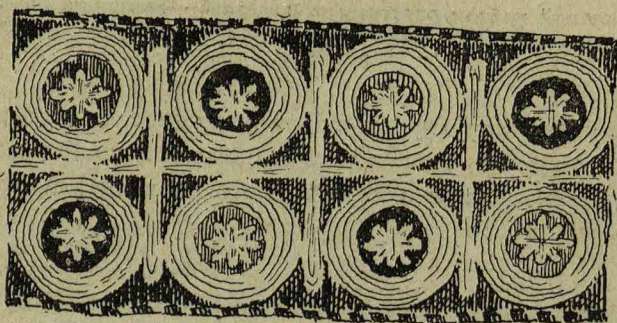
21. Орнамент «тогуз девé» на другой перевязи женского головного убора. Промежуточные отдельные веточки представляют собою (и называются) «тал барги» — «листья тала». Выступающие из цветка в четыре стороны трехпалые лапы — «вороньи ноги» («карға туюк»),¹ пилообразный бордюр из ломаной линии изображает собою «йрэк» — деревянный скребок для выделки кожи. Вышито киргизкой Сары-Кыз, из рода Чал-Тент, в Алайской долине в 1922 г.

„Тобуз девé“ встречается в разных сочетаниях и вариантах. На р. 23 изображен „парный“ тобуз девé. На р. 22 представлен другой вариант — широкий узор, взятый с „чач-кеп“ — женского головного убора.

¹ Должен оговориться, что указание на то, что четыре выступа от краев цветка являются „вороньими лапами“ записано мною уже не от киргизов, а от киргиз-казаков, рассматривавших потом данную вышивку. К сожалению, я не успел в свое время расспросить об этом киргизов и прибавляю это казакское толкование с настоящей оговоркой, полагая, что по свойству орнамента вряд ли оно может в данном случае разниться от киргизского. Значение остальных узоров записано на месте и б. ч. со слов самих вышивавших.

22. Орнамент «тѳуз девѳ». Вышито на «чач-кеп» киргизкой Сулу-Хан, рода Тент, на берегу оз. Кара-Куль в 1920 г.

23. Парный «тѳуз девѳ» («куш тѳуз-девѳ»). Узкий бордю—«алá-мунчáк»—«пестрые бусы». Вышивка на «чач-кеп». Работа киргизки Тилля-Хан в 1919 г. в местности Данкай (на с.-з. от оз. Кара-Куль, один день пути).

Естественно, что среди памиро-алайских киргизов, живущих достаточно изолированно в глуши гор, сохранилось значительно лучше старое первичное понимание своего орнамента, чем у их сородичей, а также у казаков, тяготеющих к большим центрам жизни и живущим вокруг городов. Как пришлось убедиться, например, на казаках Ташкентского уезда, представление о значении орнамента, как и знание названий отдельных узоров среди них наблюдается уже в малой степени. Памиро-алайские же киргизы, наоборот, могли довольно уверенно определять разные детали своих узоров. Возьмем для примера р. 24, представляющий собою орнамент, помещенный на полосе, спускающейся с затылка женского головного убора и называемой „куйругуч—(„хвост“).

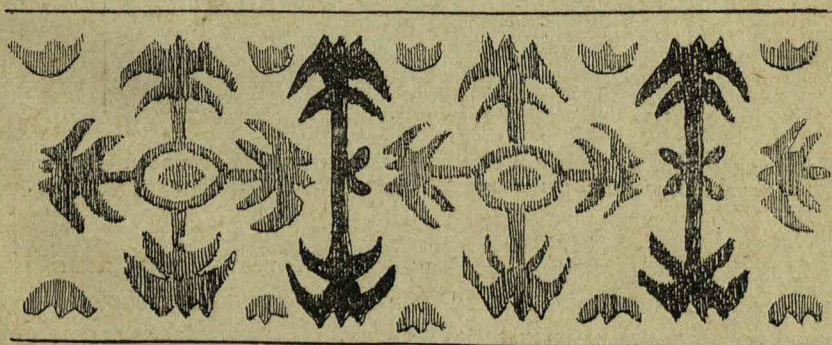
Центральный небольшой узор, помещенный во внутреннем квадрате этого орнамента, является воспроизведением „собачьего следа“ („ит тамán“). Последний обращен в четыре стороны, кругом его идут ветви „сувою“. Это какое-то растение, встречающееся на Памире и его, по словам киргизов, любят *Ovis Poli* и дикие козлы. Разделяющие данный узор вертикальные столбики с вилкообразным разветвлением на концах—

24. Орнамент на свешивающемся конце женского головного убора. Вышивание киргизки Сулу-Хан, рода Теит, колена Какилен, в 1920 г.

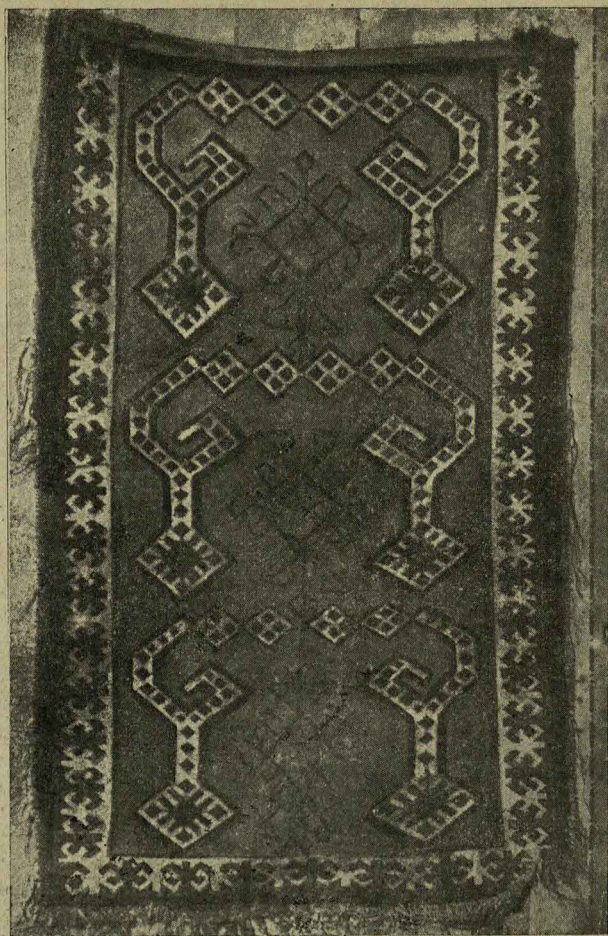
изображение полумесяца („ай нуска́—^{ای} ^{نصفا}). Это двухсторонний полумесяц—полумесяц, отложенный в противоположные стороны. Окаймляющий эту полосу бордюр из треугольников воспроизводит „тумб́рча“—„амулетик“ (^{طومارچا}). Такие амулетики, состоящие из заговора, написанного муллой на бумажке и зашитого в кусочек материи в виде треугольника (бывают и в виде небольшой четырехугольной полоски), часто можно видеть подвешенными к плечу или к другим местам, чаще у женщин и детей, но встречаются также и у мужчин и, даже иногда у очень любимых животных, чтобы предохранить носителей от дурного глаза, от пагубного влияния дивов, джинов и пр. Таким образом, весь данный орнамент разлагается на отдельные части, еще не утратившие свои названия.

Но возьмемте еще образец. На р. 25 представлена вышивка с другого „хвоста“ из женского головного убора.

25. Орнамент на свешивающемся конце женского головного убора. Работа киргизки Тилля-Хан в 1919 г., в местности Данкай.

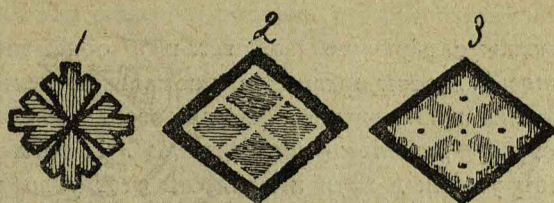
Главный якоробразный орнамент здесь—„усиные лапки“—„Ғазак“. Они высовываются в четыре стороны из кружка и имеются также на концах ритмующих столбиков. Неопределенный маленький овал внутри кружка: „кой-күзі“—„бараний глаз“. Небольшой трехзубчатый полуовал по краю орнамента, между концами лапок: „кобылка“—подставка под струны в киргизском музыкальном инструменте, называемая „теп-кечэ“.

26. Ковровая завеса над входом в юрту—«ешик-тишь». Работа киргизки Ай-Сулу, рода Кыдыр-Ша, в местности Тараш (Алайская долина) в 1906 г.

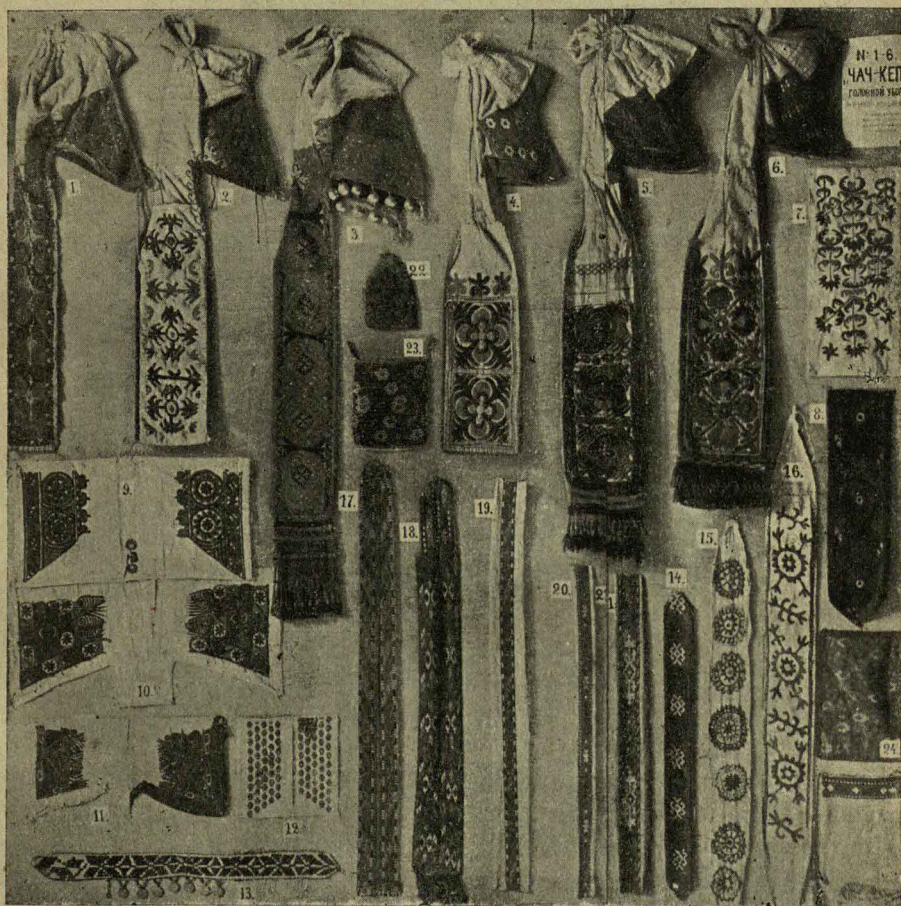
Орнамент „іт-таман“—„собачий след“, встретившийся в рис. 24, тоже принадлежит к числу очень распространенных узоров среди киргизов и встречается в разных вариантах. На фотографическом снимке с ковра, воспроизведенном на р. 26, он представлен в виде трех полос из ромбов, идущих поперек ковра. В коллекциях экспедиции имеется и еще более стилизованный вариант, встреченный в ковровой суме¹ и представленный на р. 27 под № 3. Даже и при ограниченности в выборе вариантов в приведенных здесь трех образцах довольно ясно видны стадии развития данного орнамента.

¹ Сума тканая в Алайской долине, в местности Кашка-Су киргизкой Марварид-Хан, рода Кыдыр-Ша, в 1919 г.

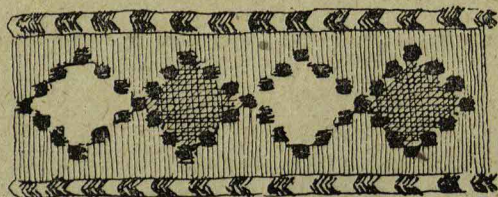
27. Три варианта «собачьего следа» («it-таман»), встреченные в памиро-алайском киргизском орнаменте.

На том же ковре, изображенном на р. 26, имеется орнамент на бордюре, называемый „баджагай“ или „баджигай“. Это опять-таки название и изображение какого-то горного растения, встречающегося на Памирах, определить которое при спешном проезде не удалось. Вариант этого узора можно видеть также в женской повязке на лоб, представленной под № 14 на р. 28, воспроизводящем некоторые из киргизских вышивок, вывезенных экспедицией.

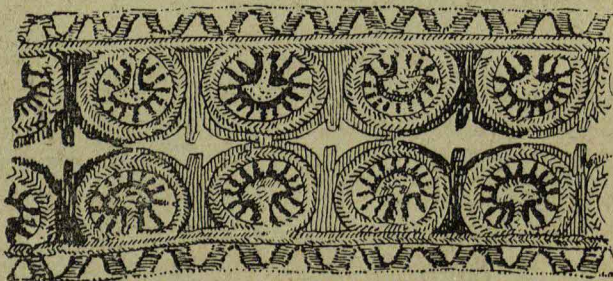

28. Образцы вышиванья памиро-алайских киргизок (из коллекций экспедиции).

Кроме приведенных выше орнаментов „багджігай“ и „сувою“ экспедицией записаны следующие растительные орнаменты: 1) „кырк-шах“—„сорок ветвей“. В этом орнаменте, к сожалению не представленном, видна склонность придавания листьям формы рогов, о чем я говорил выше. 2) „Ширалджин баргі“—„листья ширалджина“. К сожалению, образец с этим орнаментом утерян в пути и привести этот узор не представляется возможным. 3) „Карғымак“—название и изображение растения, встречающегося на Памирах, имеющего желтые цветы. Узор на р. 30 является, по объяснению киргизов, стилизованным воспроизведением цветка этого растения. 4) „Чечендыр-гули“. Тоже воспроизведение цветка неизвестного мне растения, растущего в Памирах. (Образец этого орнамента приведен в р. 31. 5) „Сегіз-піста“—„восемь фисташек“. Этот узор можно видеть (к сожалению, очень мелко) в полосе, служившей обшивкой для женской рубашки, показанной под № 21 на р. 28.

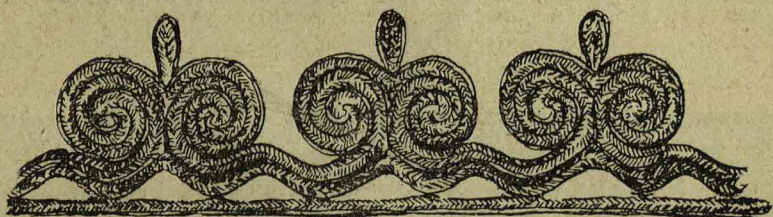
30. Стилизованное изображение цветка растения «карғымак». Боковой бордюр—«аламунчак» («пестрые бусы»). Вышито на мешечке для чая («чай-хапта») киргизкой Гаўһар-Хан, рода Теит, в Алайской долине в 1925 г.

31. Цветок растения чечендыр. Боковой бордюр—«туморча» («амулетик»). Вышивка на «хвосте» женского головного убора. Работа киргизки Аварама-Хан на оз. Сассык-Куль в 1910 г.

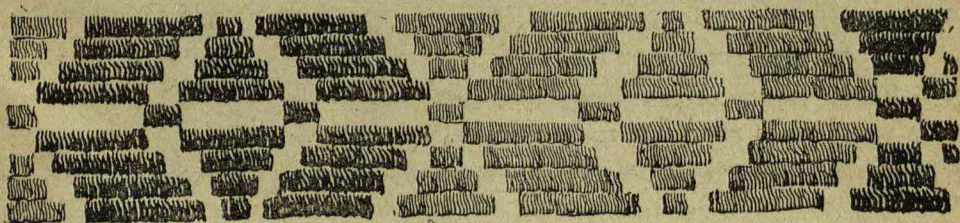
В киргизском орнаменте, видимо, имеется некоторая склонность при воспроизведении предметов, стилизуя, удваивать изображение, обращая его в разные стороны, на подобие того, как это встречается и у таджиков (напр., т. I, р. 11, 12). Один пример такого удваивания был приведен в „полумесяце“, изображенном на р. 24. Другой образец подобного повторения мы видим в орнаменте „ручка ковша“ („чумич сабу“) на р. 32. Для того, чтобы понять этот узор, нужно принять во

внимание, какой вид имеет киргизская разливательная деревянная ложка — „чуміч“. На несколько согнутой длинной ручке неподалеку от верхнего конца имеется тоже деревянное (вырезывает из одного куска дерева с ложкой) украшение, имеющее иногда форму завитка. Этот конец ручки с придатком-украшением, *повторенным в обе стороны* и взят в данном случае за орнамент.

32. Узор «ручка ковша» («чуміч сабу»). Из вышивки на женском головном уборе. Работа киргизки Татты-Биби, из рода Казыке, в Каратегине в 1924 г. (прислано ей в подарок своей родственнице, живущей на берегу оз. Кара-Куль).

Вероятно еще более вытекающим из уклада киргизской жизни, чем предыдущий орнамент, является крайне оригинальный узор, который, конечно, по существу может быть только киргизским и относительно которого можно почти с уверенностью сказать, что он не может быть заимствован от какой-нибудь другой народности. Это воспроизведение нёба во рту яка — орнамент, обычно известный под сокращенным именем „нёбо“ („тангдай“). Узор воспроизводит пятнистость неба этого животного. Так как яки живут только на очень большой высоте, совершенно не перенося теплого климата равнин и предгорий, то естественно, что близкое знакомство с ними, вызвавшее данный любопытный сюжет орнамента, может быть только у народа, который живет приблизительно в тех же климатических условиях, что и яки, которых он и должен иметь, кроме того, в достаточном количестве, чтобы создать подобный орнамент. Таким народом в Средней Азии являются только горные киргизы, населяющие Памиры и горные хребты, расходящиеся от этого высочайшего плато. Только у этих киргизов як занимает боль-

33. Воспроизведение нёба яка («тангдай» — «нёбо»). Из вышивки на женской налобной повязке (кыргак). Работа киргизки Нават-Хан, рода Чал-Тент, на берегу оз. Кара-Куль в 1923 г.

шое место в их хозяйстве и встречается почти при каждой юрте. Данный орнамент, таким образом, может считаться, по моему мнению, исключительно горно-киргизским.

Среди узоров, воспроизводящих различные части тела животных, можно отметить также „*когти рыси*“—„*силяўсун тырмак*“, приведенные на р. 34. Они несколько походят на подставку под струны „*кобылку*“, изображенную на р. 25, но имеют существенную разницу в длине „*когтей*“.

34. «Когти рыси» (*силяўсун тырмак*). Вышивка на попоне, покрывающей лошадь невесты. Место и время производства точно неизвестны.

В виду необходимости спешить с проездом, к сожалению, у меня было мало времени, чтобы расспросить подробнее про приведенный на р. 35 орнамент „*тахта кучат*“ и он остался мало выясненным. Самое название, применяющееся к центральному узору, видимо, означает „*рисунки (узоры) доски*“. Но какой доски и где здесь „доска“—этого я не добился. Два ромба, соединяющие повторение этого узора, называются „*чууртма*“—„*вереница*“. Орнамент бордюра—„*ала-мунчак*“ („*пестрые бусы*“).

35. Орнамент «тахта кучат». Соединяющие его пара ромбов—„*чууртма*“ («*вереница*»). Бордюр—„*ала-мунчак*“ («*пестрые бусы*»). Из вышивки на вороте женской рубашки. Работа киргизки Аим-Хан, рода Найман, в 1925 г. на оз. Кара-Куль.

Как в таджикском орнаменте можно отметить некоторые вероятные заимствования с киргизского в виде, напри., „*бараньих рогов*“ („*кучкурүк*“) или „*ковровых узоров*“, точно также и в киргизском орнаменте не обошлось, видимо, без некоторого таджикского влияния, хотя, должен сказать, что размеры последнего в орнаменте памиро-алайского района очень ограничены. Мне, по крайней мере, пришлось здесь натолкнуться только на один случай. Крапинки на пестром шелковом шнуре киргизы

называли „бульбу́л чечме́“, в чем, я полагаю, не трудно угадать персидское „чешм-і бульбу́л“ (چشم بلبُل) т. е. „соловьиный глаз“.¹

К числу заимствований, проникающих в горы с равнин Туркестана, можно также отнести встреченный мною небольшой узор, который киргизы называли „такыянын гу́л“ т. е. „рисунок с тюбитейки“.

При спуске по долине Талдыка мне встретилось, кроме того, в некоторых вышивках у местных киргизов присутствие равнинного таджикского элемента, но точно выяснить область и размеры заимствования за недостатком времени не представилось возможным.

Помимо упомянутых очень небольших заимствований из таджикского орнамента среди памиро-алайских киргизов популярны также варианты одного орнамента, широко распространенного в бесчисленных разновидностях среди мусульманских народов и известного в Средней Азии под названием „iclímí“ (اسليمي). Этот листовидный орнамент можно одинаково встретить как в Каире, так и в Индии, в Бухаре, и, наконец, как отдаленный раскат, среди памирских киргизов и таджиков верховьев Аму-Дарьи. Среди киргизов он встречается под довольно исковерканным названием—„іс пы́лі“, у таджиков, тоже, видимо, несколько исковерканно—„місілімі“. Но стоит только посмотреть, чтобы ясно было видно, что это в основе один и тот же орнамент.

Образцы орнамента Iclímí (варианты)

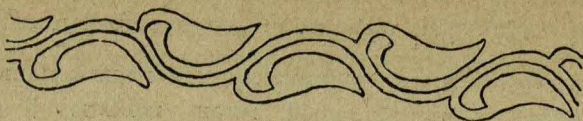

36. Узор «іспылі́». Из вышивки на женском головном уборе. Работа киргизки Татты-Биби, из рода Казыкё, на берегу оз. Кара-Куль в 1924 г.

37. Узор «місілімі́» на таджикских шерстяных чулках из Шугнано-Дарваза.

¹ Этот мотив, повидимому, очень распространен в Средней Азии. Он имеется, напр., в Самарканде, где известен под тем же названием—«чашм-і бульбу́л» и попадает в узоры при ткани.

38. Простой узор «ісімі», встречающийся в виде бордюра на заглавных листах книг, в резьбе по дереву и пр. в Ташкенте и в других местах Туркестана.

39. То же из мечети Nesfy Qeyсoun, XIV в., Каир (по Prisse d'Avennes).

Список узоров в киргизском орнаменте, записанных на Памирах и в Алайской долине.

1. Алá-мунчáк („бусы“) — р. 10, 23, 30, 35.
2. Ај-нуска („изображение месяца“, *полумесяц*) — р. 24.
3. Баџджаџай (название растения) — р. 26, а также, в мелком виде, вариант на р. 28 под № 14.
4. Бульбуль-чечмé („глаз соловья“).
5. Баз-аяк („гусиные лапки“) — р. 25.
6. Іт-тамáн („собачий след“) — р. 24, 26, 27.
7. Іспылí (заимствованный орнамент, без ясного значения изображаемого предмета) — р. 36 (37, 38, 39).
8. Ійрék (скребок для выделки кожи) — р. 21.
9. Кабурџá („ребра“) — р. 19.
10. Карџымáк (название растения) — р. 30.
11. Комís тилé (язычек варгана).
12. Кош-чет („парный рисунок ситца“?).
13. Кой-кузі („глаз барана“) — р. 25.
14. Кучкурýк („рога барана“) — р. 15, 17, 18.
Варианты: Пітáў кучкурýк — р. 19.
Сынгарí кучкурýк — р. 16.
15. Кырк-шах („сорок ветвей“) — р. 29.
16. Сегíz пістá („восемь фисташек“).
17. Сіляўсýн тырмáк („когти рыси“) — р. 34.
18. Сувою (название растения) — р. 24.
19. Такыянын гулі („узор с тюбитейки“).
20. Тал баргі („листья тала“) — р. 21.
21. Тангдáј („нёбо“ — н ё б о я к а) — р. 33.
22. Тахтá-кучáт („рисунок доски“) — р. 35.

23. Теп-кечѣ („кобылка“ струнного музыкального инструмента)—
рис. 25.
24. Тѳѳуз-деве (название растения)—р. 20, 21, 22, 23.
25. Тѳмѳрча („амулетик“)—р. 24, 31.
26. Чечендыр гули („цветок чечендыра“)—р. 31.
27. Чѳчка́н ѳѳѳ („следы мыши“).
28. Чѳмѳч-сабу („ручка ковшѳ“)—32.
29. Чууртма („вереница“)—р. 35.
30. Ширалджѳн баргѳ („листья ширалджина“—название растения).

Кроме того в тексте прибавлено одно название орнамента, слышанное мною от казаков-киргизов Ташкентского района—„карга тѳѳѳ“ („воронья лапа“)—р. 21.

М. Андреев.

9
и-33

ИЗВЕСТИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Том IV

ЛЕНИНГРАД
1925

Деревянная колонна в Матче.

М. С. Андреева, преподавателя Средне-Азиатского Университета.

Матча, в административном отношении входящая в Самаркандскую область¹, — небольшая горная страна, находящаяся в самой верхней части долины р. Зарафшана. Сдавленная ограждающими и образующими ее массивными горными кряжами — с севера Туркестанским хребтом, с юга Зарафшанским, она вытянулась узкой и длинной полосой, глубоко лежащей между горных массивов, и спускается с востока на запад вдоль по течению реки, начиная с Зарафшанского ледника, из-под которого вырывается и берет начало р. Зарафшан, вплоть до сел. Обурдан, являющегося главным и, в то же время, последним селением Матчи, так как дальше по течению той же реки начинается другая горная страна — Фальгар. Матча трудно доступна, и самые низкие перевалы, Камадан и Обурдан, ведущие непосредственно из равнин Туркестана через Ура-Тюбе в Матчу, выше 11000 футов над уровнем моря. Матча населена иранцами, таджиками, очень типичными и, сравнительно, чистыми представителями и потомками северо-восточных арийцев. Благодаря трудной доступности и сравнительной отрезанности страны, матчинцы, вместе с характерными антропологическими особенностями, сохранили до настоящего времени много интересных древних обычаев и говорят на особом диалекте персидского языка, сохранившем много архаичных слов и оборотов.

Летом 1915 г. мне удалось на очень короткое время съездить в Матчу из Ура-Тюбе через перевал Обурдан и побывать в нижней части этой страны. В разных местах мне встречались здесь на мазарах надписи на надмогильниках сравнительно довольно ранней эпохи, уверенный арабский и персидский язык которых позволяет

¹ После национального размежевания 1924 г. Матча вошла в состав Таджикистана.

предположить, что, несмотря на отрезанность Матчи, ислам был распространен здесь, видимо, вскоре после того, как он укрепился на равнинах Туркестана. Так, на кладбище в сел. Обурдан, самом нижнем из матчинских селений, я видел следующие даты в надписях на надмогильниках: 524 (1130), 608 (1211), 648 (1250) и др.¹

В том же селении Обурдан, бродя по мазару, я нашел в одном углу кладбища небольшую, бедно выглядящую глинобитную постройку, обычного туземного типа, состоящую из четырех стен и крыши, с единственной очень маленькой и низкой дверкой, в которую, насколько я помню, входить приходилось, чуть не вползая.

Здесь, посередине сакли, подпирая балки бедного туземного потолка, обычного туркестанского типа, стояла великолепная старинная резная колонна из какого-то твердого дерева, вероятнее всего из арчи (*Juniperus*), резко отличающаяся характером своих очертаний и орнаментом от окружающей обстановки. К сожалению, когда я наткнулся на колонну, наступал уже вечер, и свет, слабо проникавший через маленькую дверку, был недостаточен.

Для того, чтобы осмотреть колонну и сделать фотографический снимок (тбл. III), мне пришлось зажечь пару свечей, и только случайно, благодаря очень долгой выдержке, снимок удался при этих невозможных условиях².

Вот выдержка из моих дорожных записей, сделанных наскоро в Обурдане после осмотра колонны.

«Крайне интересный и поразительный по своей редкости образец древнего строительного искусства имеется в сел. Обурдан, в полуразрушенной мечети или хонако (خانقاه), на кладбище этого

¹ Записанные мною тексты некоторых надписей, встретившихся мне на надмогильниках в Матче, надеюсь потом издать отдельно.

² Остаться на другой день, несмотря на все мое желание, было нельзя, так как все было уже приготовлено к отъезду. Уезжал же я с мыслью вернуться вскоре в очень заинтересовавшую меня Матчу и провести там больше времени. На свою поездку тогда я смотрел, как на имевшую лишь рекогносцировочный характер, и потому считал собиравшиеся мною сведения предварительными, не особенно заботясь об их полноте. Этим и объясняется отрывочность и скудость сведений, приводимых мною ниже о колонне. Обстоятельства и развернувшиеся затем события помечали мне потом попасть в Матчу и про обурданскую колонну привожу лишь только то, что сохранилось в памяти по впечатлениям этого краткого обзора.

селения. Это массивная деревянная колонна, капитель которой вся покрыта резьбою в очень своеобразном стиле, совершенно не встречающемся в настоящее время в виденных мною мечетях Средней Азии. Орнамент очень своеобразен, повидимому, арийского происхождения, без присутствия каких бы то ни было арабских геометрических рисунков. Очень интересна капитель колонны, украшенная розетками с орнаментом из птичьих головок. Очень любопытны крестовидные толстые перекладины над капителью, поддерживающие балки потолка, где имеется изображение стилизованной головы животного или человека. Местные туземцы утверждают, что это головы львов (или тигров — «шир»). Такие же четыре подставки под основными балками отходят и от стены, по одной из середины каждой стены. Местные жители говорят, что данный мазар очень древнего происхождения. Рассказывают, что раньше существовало старое, красивой постройки здание, служившее им мечетью, которое было разрушено силой, т. е. наводнением, образовавшимся от дождевого потока, в 1148 г. хиджры, как это видно из надписи, сделанной на доске потолка мечети¹. При разрушении здания одна колонна и некоторые доски были снесены обурданцами, и тогда же из остатков было выстроено теперешнее помещение. Судя по двум покрытым великолепной резьбою доскам, случайно вставленным в потолок, все старое здание должно было быть очень стильно и красиво».

Вот и все, к сожалению, что у меня было записано. К счастью, фотографический снимок, на успех которого при фотографировании было так мало надежды, позволяет наглядно судить о капители колонны в значительно более полной степени, чем это можно сделать по приведенной краткой записи. Позволю себе на память добавить еще нижеследующее. На самом столбе колонны имеются одновременно сделанные арабскими буквами разнохарактерные надписи, несомненно, сделанные потом, большей частью мимоходом, случайными посетителями, видимо ковырявшими их преимущественно ножом. Судя по почерку одной довольно большой над-

¹ Таджики мне показывали эту надпись, находившуюся около колонны на самом верху, под потолком, но добраться до нее было трудно за неимением лестницы. В темноте даже и надпись я хорошо разглядеть не мог, не говоря уже о ее прочтении, почему должен оговориться, что приводимое мною сведение, имеющееся в надписи, записано исключительно со слов таджиков.

писи, вырезанной на столбе старинными арабскими буквами, приближающимися к куфическим (на фотографии она не видна), прочесть которую из-за архаичности и незнакомства мне почерка я не сумел, видно, что и это случайное вырезывание на колонне началось довольно давно.

Арча — дерево, из которого, как можно думать, сделана колонна, считается наиболее крепким и прочным материалом среди различных древесных пород, употребляемых в Средней Азии для построек. В сухом климате Матчи, вдобавок в помещении, закрытом от дождей, колонна из арчи могла просуществовать чрезвычайно долго.

Самый этнический состав населения Матчи, как упомянуто выше, искони арийцев, позволяет высказать предположение, основывающееся на характере орнамента колонны, о ее возможной принадлежности к последнему периоду эпохи Сасанидов или к первым векам мусульманства в Туркестане, когда не успело еще сказаться арабское влияние в архитектурном орнаменте¹. Возможно также предположить, что в первоначальной постройке, разрушенной наводнением, мы, может быть, имели в этом заброшенном уголке, в глуши гор, редкий образчик того, как на протяжении веков сохранялось первоначально языческое (употребляю термин за недостатком лучшего) здание, обращенное в мусульманскую мечеть. Случайно разрушенное потом наводнением, оно, к счастью, оставило нам следы своего существования в виде колонны и еще нескольких других образцов своего стиля.

¹ Я должен оговориться, что последняя мысль, а именно о возможности возникновения данного памятника при этих условиях и в первые века мусульманства — мысль, к которой присоединяюсь и я, принадлежит первоначально не мне, а уважаемому Т. А. Орбели, любезно поделившемуся со мною своими впечатлениями по поводу колонны, как она воспроизведена на фотографии.

Деревянная колонна в Матче.